

КОГДА ДРАМАТУРГ ПРИСТРАСТЕН

ТЕАТР

Вот самое характерное, типичное, что бросается в глаза при знакомстве с пьесами молодых драматургов. Почти все они говорят о живой современности, о горячих годах и месяцах, днях и часах нашего труженика-народа. И современность в пьесах молодых литераторов — это не только география страны, она, что куда важнее, стала психологией человека, перешагнула названия и даты, воплотившись в чувствах и поступках, в мышлении и делах людей. И главное, в чем ощущается сегодня этот современный художественный темперамент молодых драматургов — в новых нравственных, этических нормах, которым следуют их герои. По высшим духовным законам живут люди в пьесах и спектаклях тех, кто развивает лучшие традиции славной советской драматургии. Моральный кодекс наш становится воистину основой жизни героев.

Вот юный физик Тим Кубасов, герой пьесы Э. Радзинского «Вам 22, старики!» Для него наука — источник самых великих радостей и самых великих печалей. Это человек, для которого нет ни отступления, ни компромисса, ни святой лжи, ни милого утешительства — ничего, что унижает, мельчит науку и человека. А рядом друг Кубасова — Владимир Лошманов. Он может стать ученым, а может им и не стать; он будет хорошим моряком или спортсменом, опытным юристом или надежным врачом; он еще может стать кем угодно, в этом человеке не определилось главное, еще не родилось единственное, неповторимое призвание. И Тим Кубасов делает все не для того, чтобы Володя остался в университете, как это по старинке полагают другие; нет, он делает все для того, чтобы тот покинул стены университета, чтобы шел в большую трудовую жизнь — мучиться и искать, радоваться и находить бескомпромиссно свое место в огромном рабочем строю.

Так понимают дружбу любимые герои наших молодых драматургов. Не оберегать друга от сложностей жизни, но помочь ему в трудных духовных борениях найти и понять себя.

Совсем один, морально один оста-

ся молодой врач из пьесы Ю. Эдлеса «Аргонавты», хотя раньше ни его занятие — частная практика, причем в свободное от работы время, ни сам он, обывательски-благодушный, «свой парень», пожалуй, и не вызвали бы такого неумного презрения, такого искреннего непонимания, которые вызывает он сейчас у всех своих друзей и сверстников. Воистину непримиримы они к каким бы то ни было проявлениям филистерства, потому что ленивое равнодушие мещанина может обратиться и в злобную трусость дезертира, и в политическую аморфность стороннего наблюдателя.

И, может быть, те, кто не желает мириться ни с какими, самыми мизерными сделками с совестью, кто меряет свою жизнь высшими нравственными критериями и ненавидит любую ложь, любое утешительство, может быть, покажутся в чем-то жестокими на первый взгляд. Ну что ж, если это и жестокость, то жестокость Овода и Рахметова, равная самой высокой доброте, а если точнее — принципиальность, из которой рождается подлинный гуманизм. И не схему, не отсутствие мастерства видим мы в такой негнувшейся прямоте многих и многих юных героев, нет! Мы видим в этой бескомпромиссности, в этом страстном, правдолюбии большевистские принципы, унаследованные от отцов и дедов, в этой горячей ненависти к духовному примиренчеству — ленинские заветы комсомола.

ИНТЕРЕСНО, что во многих пьесах и спектаклях молодых драматургов центральным становится образ дороги.

На вокзале, у поезда начинается действие комедии О. Стукалова «24 часа в сутки»; не сидится на месте юному герою из пьесы В. Блинова «Беглец»; на новые земли устремляется рабочий паренек из пьесы «Дни нашей юности» В. Савченко; «Иди и не бойся» — так и называется спектакль Московского театра юного зрителя по пьесе Ю. Семенова. Словно ветром, свежим ветром больших современных дел и дорог подняты с насиженных мест люди, они в пути, они в движении, они устремлены в будущее.

Бывает иногда так в наших драмах — дорога становится панацеей, лекарством от всех и всяческих несовершенств человеческой природы. Стиляги и воры, разочарованные влюбленные и развенчанные индивидуалисты — все они направляются в разные края страны, обретая по дороге чувство коллективизма и любовь, трудовой стаж и душевный покой.

В пьесах, о которых идет речь, иное. Дороги здесь — не всеобщее лекарство, но живая потребность души, неуслышанность юности, творческое беспокойство тех, кому брать в свои руки эстафету.

Задумавшись, доверительнее стали говорить герои со зрительным залом, соединяя сцену и зрителей, партер и подмостки в единых раздумьях, в единых тревогах и радостях. Все чаще, словно взятое кинематографическим крупным планом, приближается к нам со сцены лицо современника.

Шире стал драматический фон, звучнее исповедническая интонация современной драматической литературы. Нашим драматургам — и молодые здесь очень чутки к веяниям времени — зачастую, кроме активно действующих лиц, стало необходимо еще множество самых различных людей, пусть и не имеющих прямого отношения к конфликту пьесы. Драматическое столкновение перестало быть точно вычерченной схваткой двоих, конфликт как бы окружен жизнью, прокомментирован временем и нравственно разрешен самыми разными голосами, а не только главными героями. За и против голосует сам автор, который не хочет прятаться за спинами своих персонажей.

Да, мы против натушной, ремесленной подсказки житейских дорог и сюжетных

ходов, но мы за горячую моральную позицию в драме. Это не надо путать.

МНОГО интересного, роднящего самые различные дарования есть сегодня в пьесах молодых драматургов. Но вот странная история... Перелистаем еще нежелательные страницы театральных программ, перелистаем и увидим, что «Дни нашей юности» В. Савченко в театре им. Ермоловой пролетели так же молниеносно, как и полагается дням юности, но не новому спектаклю, что не надолго пережили эту работу ермоловцев «24 часа в сутки» О. Стукалова в театре Сатиры и «Опасная тишина» А. Вейцлера и А. Мишарина в театре им. Маяковского. Что же это? Отчего не удерживаются порой в репертуаре пьесы наших молодых драматургов, хотя можно обнаружить в них и добрые намерения?

Кое в чем, конечно, виноваты театры. Случается, без фантазии, без желания проникнуть в авторское своеобразие ставят они пьесы писателей, только еще идущих в большую литературу. С каким, например, истинно романтическим подъемом прошла пьеса молодого драматурга И. Соболева «Разведчики» в училище им. Щукина, взятая для дипломного спектакля выпускников (руководитель курса и постановщик Л. Шихматов), и как бледно, невыразительно выглядела она на некоторых профессиональных сценах. Но все же мы считаем, что радостное начало успеха и печальное начало неудач кроются в работе самих драматургов.

Что же мешает молодым драматургам заговорить полным голосом?

Думается, в первую очередь — литературщина, робкая ученическая подражательность. А если нет собственной концепции современности, если то, что ты хочешь сказать людям, много раз и точно так же сказано, — зачем твоя пьеса?

Вот, например, драма Л. Митрофанова «Тысяча вторая ночь», того самого Льва Митрофанова, который так свежо и своеобразно начинал пьесой о делах советских рабочих и инженеров. А сегодня — «Тысяча вторая ночь». В пьесе этой все вроде бы на месте, все, «как у добрых людей». Она на «международную тему», действие ее происходит в одной из стран, где борются за свободу. Есть в ней певичка Паола, которая поет в кабаре и одновременно героически сражается; есть женщина, которая за ней шпионит, но шпионить не хочет; есть злобные парашютисты, которые, естественно, жуют американскую резинку; есть какие-то Дави, ненавидящие солнце этой страны и пьющие аперитив; есть «представитель народа», напыщенно вещающий декларацию. И все они вместе изъясняются на каком-то тарабарски-среднестатистическом, якобы темпераментно-южном языке. Как все постыло знакомо...

Или другие разновидности литературщины. Хорошо, когда молодые писатели и их герои доверительно, искренне говорят со зрительным залом. Однако есть грань, за которой кончается искренняя доверительность и начинается развязное панибратство. Люди на сцене принимают друг друга разговаривать со зрителями на ты, обзывают их обывателями и разными другими словами, угрожают им и не ведают есть в антрактах бутерброды — это, мол, несомненно с великим искусством, которое мы сейчас продемонстрируем.

Георгий Полонский написал темпераментную, во многом небанальную пьесу «Сердце у меня одно». Но вот на сцену выбегает парнишка и говорит примерно следующее: ты слушай-ка, зритель... у тебя, наверное, болит печень, разлилась желчь, ты, наверное, хочешь есть... — и еще что-то. Но я тебя, говорит, все равно завоюю.

Смешно это звучит, несерьезно. Когда к